

А. Мартиросян

Раскопки в Кировакане и некоторые памятники раннеурартского периода

(IX—VIII вв. до н. э.)

Археологические памятники раннеурартского периода представляют значительный интерес не только по связи с культурой, характеризующей памятниками доурартского времени, когда бронзовая металлургия достигает наивысшего расцвета, но и по ряду своеобразных черт, появившихся в материальном производстве указанного периода в результате дальнейшего развития культуры и хозяйства аборигенов, более широкого применения железных изделий, а также все усиливавшейся взаимосвязи между странами древнего Востока и Закавказьем.

Эти памятники составляют типичную и довольно большую группу, различные комплексы которой обнаружены еще в конце XIX столетия, а также в наше время, в местах, знакомых нам по находкам инвентаря предыдущей, позднебронзовой эпохи.

Несмотря на все это, погребальный инвентарь IX—VIII вв. до н. э., разбросанный в различных музеях СССР, остается до сих пор не разобранным и неисследованным. Конкретное изучение этих комплексов заменяется, зачастую, довольно общими соображениями о развитии культуры так называемого «бронзового» или «раннежелезного» века.

Разумеется, что такое положение было вызвано отсутствием достаточного количества фактического материала, односторонностью и плохой его документацией.

Имеющиеся в этом деле недочеты ликвидируются в последнее время получением хорошо документированного материала из могильников и из раскопок урартских крепостей и поселений, которые дают прочную основу для выделения и характеристики археологических памятников местной культуры, относящихся к раннеурартскому периоду.

К числу характерных археологических памятников указанного периода принадлежит могильник, обследованный экспедицией Института истории Академии наук Армянской ССР и Кироваканского краеведческого музея в сентябре 1955 г.¹ Могильник находится недалеко от сел. Макарашен, у проселочной дороги Кировакан — Макарашен, по сторонам которой сохранились мощные остатки двух циклопических крепостей.

Открытые здесь гробницы представляли собою «каменные ящики», сооруженные из тонких базальтовых плит и ориентированные грубо с

¹ В работах экспедиции деятельное участие принимали сотрудники Кироваканского краеведческого музея Г. Седракин и Б. Дарбинян, за что выражаем им нашу глубокую признательность.

запада на восток. Восточная сторона гробницы складывалась, как правило, из мелкого булыжника.

По устройству, размерам и богатству инвентаря обращает внимание прежде всего гробница № 2, сложенная на каменистом грунте и перекрытая огромной базальтовой плитой (2,5×2,3 м). Длина ее 2 м, ширина 1,5 м и глубина 1,3 м. Погребальный инвентарь, состоящий из глиняных сосудов и предметов вооружения, был собран у северной стены гробницы. Другая половина гробницы была совершенно пуста. По длинной оси погребения было расположено 18 сосудов, отличающихся изящной моделировкой, тщательной полировкой и орнаментацией (рис. 1). Осо-

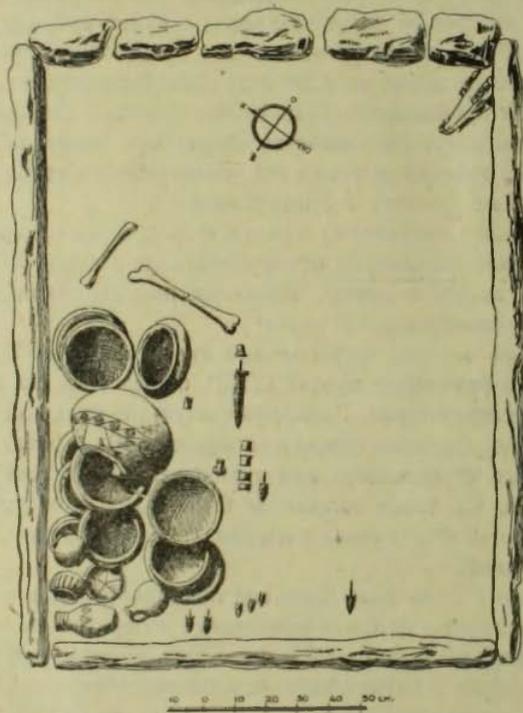

Рис. 1. Макарашенское погребение № 2.

бенно большим числом (11 штук) были представлены чернолощенные чаши, не отличающиеся от найденных в Ленинанканском, Тазакендском, Кармирблурском, Дилижанском могильниках, снабженные низкоотогнутыми краями и линейной орнаментацией плечиков (рис. 2). Формы и орнаментальные мотивы других сосудов также сближают керамику из гробницы № 2 с керамикой комплексов доурартского и раннеурартского времени. В этом отношении особенно примечательны черные лощеные кувшины (рис. 2), снабженные одной характерной ручкой, в средней части которой имеется выступ, а поверхность украшена вертикально расположенными резными углами. Форма этих ручек близка к ручкам металлических си-

тул, получивших большое распространение в VIII—VI в. до н. э. Третий, безручный кувшин с треугольной орнаментацией верхней части и высокой «гофрированной» шейкой также не отличается от сосудов Тазакендского и Кармирблурского могильников (рис. 2). То же самое можно сказать о чернолощеном горшочке биконической формы. Весьма оригинальны последние три сосуда из гробницы № 2. Первый — черного лощения горшок с раздутым корпусом, имеющим трапециевидную ручку в верхней

Рис. 2. Инвентарь из погребения № 2.

части тулова. В широкой части корпуса имеется пояс со спиральной орнаментацией, выполненной штампом. Сверх пояса расположены треугольные шевроны, заполненные точками. Сосуды, снабженные трапециевидными ручками, встречаются часто в могильниках Западного Азербайджана, а также в погребениях Тазакенда. Второй сосуд, более крупный, приземистый, толстостенный, изготовлен от руки. Он снабжен низкоотогнутым красивым венчиком, окруженным широкой каймой, на которой прикреплена трапециевидная ручка. Как кайма, так и ручка украшены «елочкой». Верхняя часть горшка покрыта шестью полукругами с центральным выступом. Нам думается, что этот сосуд является наиболее ранним образцом или прототипом распространившихся позднее одноручных сосудов, верхняя часть которых моделирована орнаментальными дугами.

Третий сосуд представляет собою одноручный ковш, черного лощения. Корпус оформлен крупными вертикальными каннелюрами.

Остальной инвентарь гробницы № 2, за исключением обсидиановой пластиночки, состоит из кинжала, булавы и наконечников стрел (рис. 2). Бронзовый черенковый кинжал так называемого ганджа-карабахского типа — имеет прорезной набалдашник с деревянными вставками, обычной формы обойму и клинок, имеющий срединное выпуклое ребро с узкой осевой жилкой. Изготовленные из дымчатого обсидиана и кремня наконечники стрел находят многочисленные аналогии в материалах из «Редкина лагеря», Кармир-блур и Головино.

При раскопках одного из погребений в сел. Головино, датированного нами VIII в. до н. э., наряду с аналогичными каменными стрелками были найдены серповидноизогнутые ножи урартского типа, глиняная маслобойка типа, обнаруженного в древнем поселении Кармир-блур и в более ранних памятниках, а также кувшины с одной зооморфной ручкой и рельефными дугами на верхней своей половине.

Для датировки нашего комплекса более четкий материал дают бронзовые стрелы особого типа, встречаемые в Армении лишь в раннеурартское время.

Представленные на рис. 2 наконечники стрел с заточенными усиками изготовлены из листовой бронзы. С лицевой стороны они снабжены слабо выраженной срединной линией, а иногда и овальными углублениями. На плоских черенках наконечников сохранились следы древков. Аналогичные наконечники стрел обнаружены в Степанаванском, Кироваканском (Димац) и Ленинанканском могильниках вместе с шаровидными и грушевидными бронзовыми булавами, а также железными кинжалами, которые не отличаются от бронзовых прототипов и сохраняют еще кое-какие бронзовые части (обоймы и набалдашники). Интересно, что в ленинанканском комплексе имеются также подобные наконечники, изготовленные из железа. Находки аналогичных стрел, изготовленных урартскими мастерами, часты на Кармир-блуре. Однако особенно примечательны в этом отношении стрелы, найденные в одном из раскопанных нами больших помещений (№ 36) в 1952 г. Здесь оказалось 9 разрушенных бронзовых колчанов с изображениями всадников и колесниц; многие из колчанов были заполнены железными и бронзовыми стрелами с сохранившимися частями древков.

Среди рассыпавшихся железных стрел из одного разрушенного колчана оказался сильно поврежденный бронзовый наконечник рассматриваемого типа с клинописью в двух строках:

1) ^dHal-di-e 2) ^mAr-gis ti-še BA.

«Богу Халди Аргишти подарил».

В колчане царя Сардури II (VIII в.) оказалось 37 бронзовых стрел, среди которых три были отмечены клинописью, помещенной в четырех строчках на обеих сторонах:

^dHal-di-e e-ú-ri-e ^mSAR₅-du-ri-se uš-tú-ni.

«Богу Халди, владыке, Сардури подарил»¹.

Целый ряд предметов, найденных при раскопках этого помещения, отмечен клинообразными надписями царей IX—VIII вв.

Возвращаясь к макарашенскому погребальному комплексу, нужно сказать пару слов также о бронзовой булаве с пятью круглыми выступами в верхней части и резьбой в нижней части. Насколько нам известно, описанного типа булавы вовсе не встречаются в археологических комплексах Армении конца второго тысячелетия. Они выступают в тех комплексах, где имеются наконечники стрел рассмотренного выше типа IX—VIII вв., железные ножи, повторяющие бронзовые, железные кинжалы севанского типа с бронзовыми набалдашниками, иногда с ножнами, имеющими орнаментацию, характерную для бронзовых поясов конца эпохи бронзы и самого начала раннего железа (Нор Баязет², Джархеч³, Степанаван⁴). Таким образом, разбор инвентаря из погребения № 2 указывает на датировку комплекса раннеурартским временем. Этим объясняется находка в южном углу восточной стены лошадиного черепа; турупы лошадей часто обнаруживаются в погребениях несколько более позднего периода (VII—VI вв. до н. э.).

Положение костяка в этом погребении, как и во многих других, выяснить не удалось.

Положение костяка удалось выяснить лишь в гробнице № 3. Костяк лежал здесь на правом боку, в скорченном виде. В передней его части, у южной стены, были обнаружены чернолощенные одноручный «молочник» с «гофрированной шейкой», одноручный орнаментированный кувшин и серый горшочек с двумя отверстиями для крышки (рис. 3—4). У тазовых костей находился узкий бронзовый пояс, имеющий поперечные соединения бронзовыми скрепами, а также замечательный железный кинжал, так называемого ганджа-карабахского или севанского типа — с черенком, тремя бронзовыми обоймами и набалдашником. На бронзовом набалдашнике кинжала имеются вертикальные прорезы с деревянными вставками (рис. 4). Самой дальней точкой распространения этих кинжалов на север является пока что Триалетский хребет, где аналогичные кинжалы были обнаружены в древнем Бешташенском и в Цинцаройском могильниках наряду с удилами, снабженными напускными трензелями, конца II и начала I тысячелетия. Б. А. Куфтин считает эти кинжалы «очевидным дериватом бронзовых кинжалов севанского плоскогорья» и датирует Цинцаройский могильник урартским временем⁵.

Погребальные комплексы, относящиеся к раннеурартскому времени, изобилуют подобными кинжалами⁶.

¹ Б. Б. Пиотровский, Кармир-блур, III, результаты раскопок 1951—1953 гг., стр. 40.

² Կ. Աղաջան, Բաղրանները պեղող մեծեր Սորհրդային Հայաստանում:

³ Коллекция отд. Востока, Гос. Эрмитаж, инв. 1773.

⁴ Гос. Ист. музей Армении, инв. 1891/10м.

⁵ Б. А. Куфтин, Археологические раскопки в Триалети, I, Тбилиси, 1941, стр. 58.

⁶ Описание восьми остальных гробниц, разрушенных полностью или частично, ничего нового не дает по сравнению с тем, что изложено выше.

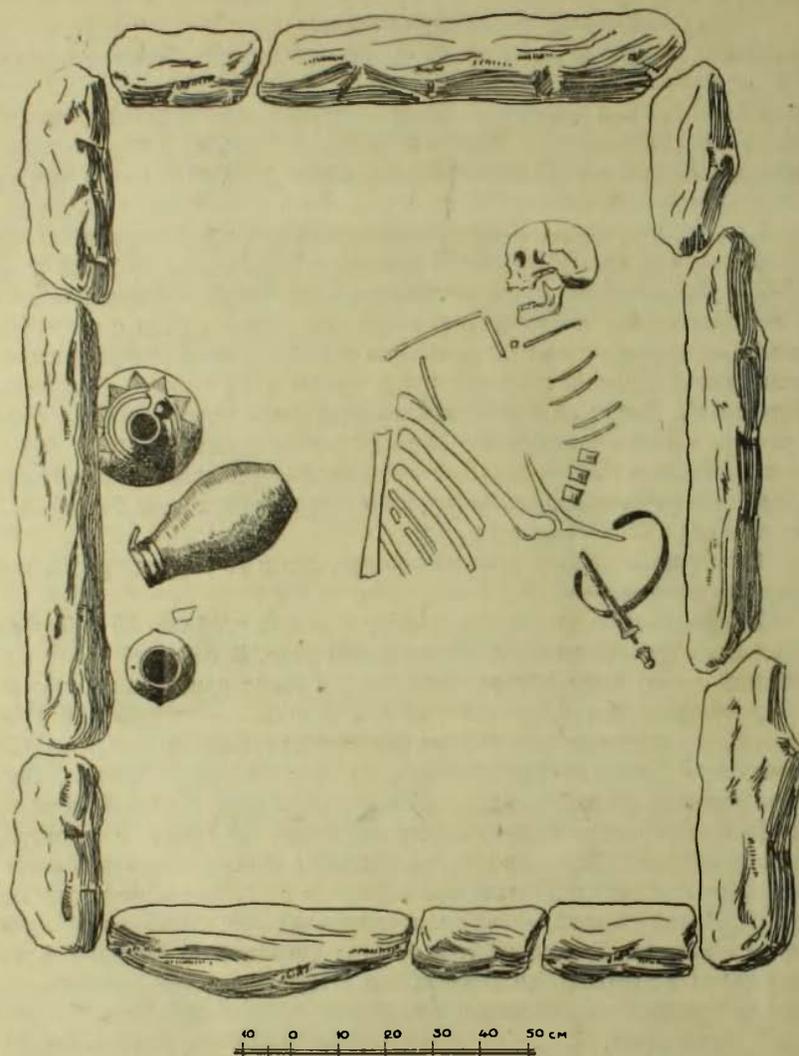

Рис. 3. Макарашен, погребение № 3.

Один из упомянутых комплексов происходит из раскопок могильника, обнаруженного в Кировакане (Димац). Представленный на рис. 5 кироваканский инвентарь ничем не отличается от макарашенского, поэтому описание упомянутого комплекса мы опускаем.

По культурно-хронологическому своему облику рассмотренным выше материалам вполне соответствуют многочисленные погребальные комплексы, обнаруженные в целом ряде могильников к северо-востоку и западу от указанного района, а также в некоторых смежных областях Закавказья.

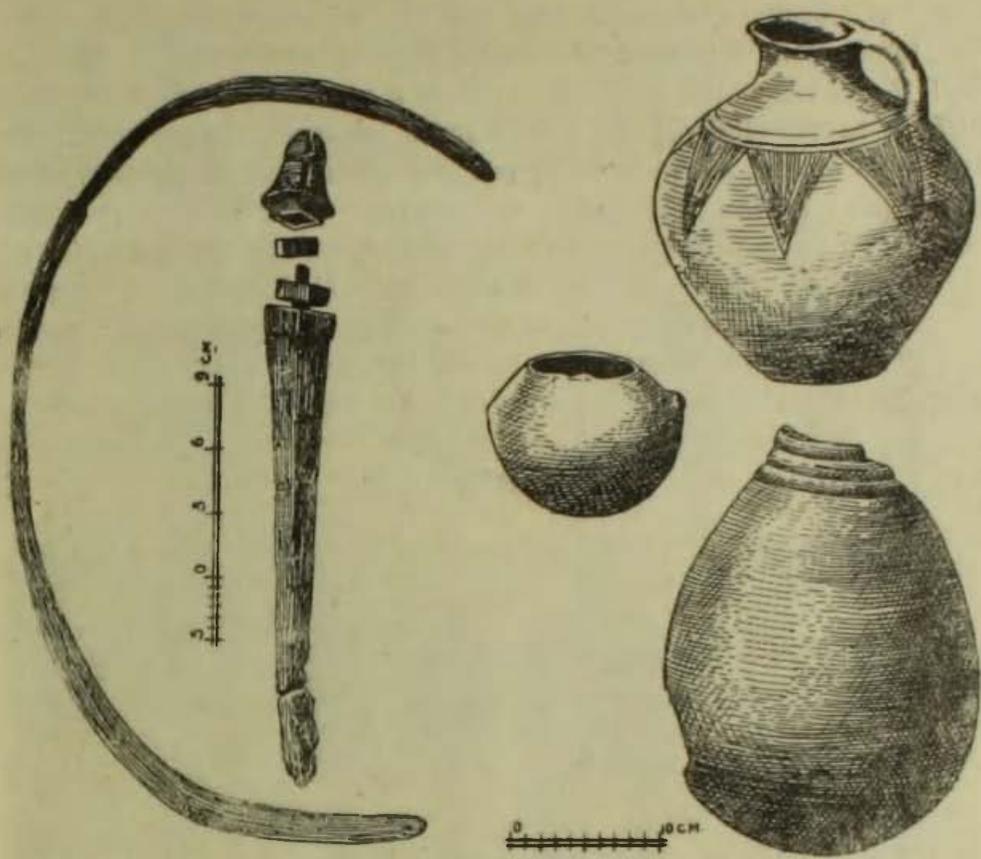

Рис. № 4. Инвентарь из погребения № 3.

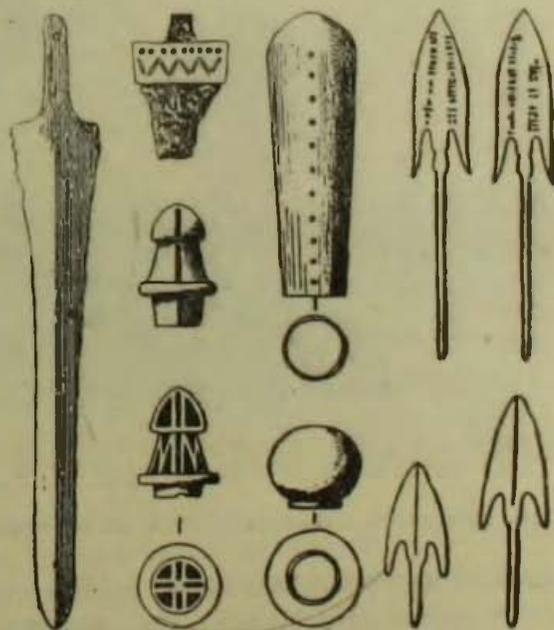

Рис. 5. Инвентарь Кироваканского могильника и бронзовые стрелы из Карир-блур.

Весьма типичный для указанного периода инвентарь происходит, например, из Степанаванского могильника, обследованного в 1951 г. А. У. Погосьяном. Наряду с разнообразными браслетами и кольцами (1891/1, 2, 3), выпуклой поясной бляшкой и иглой, бусами из сердолика (1891/5) и пасты (1891/3) мы имеем здесь плоские наконечники стрел (1891/6) описанного выше типа, бронзовые булавы шаровидной и грушевидной форм с пятью круглыми выступами и резьбой у нижнего края втулки, узкий пояс, изготовленный из тонкого листа бронзы (1891/10, рис. 6), железный с бронзовой обоймой кинжал (1891/8, рис. 7) и другие предметы, вполне соответствующие материалам Кироваканского района. В этом комплексе представлены также костяные наконечники стрел листовидной (1891/4) и четырехгранной формы (рис. 7), характерные для памятников более раннего периода (Эрзерум, Редкин лагерь, Самтавро и др.).

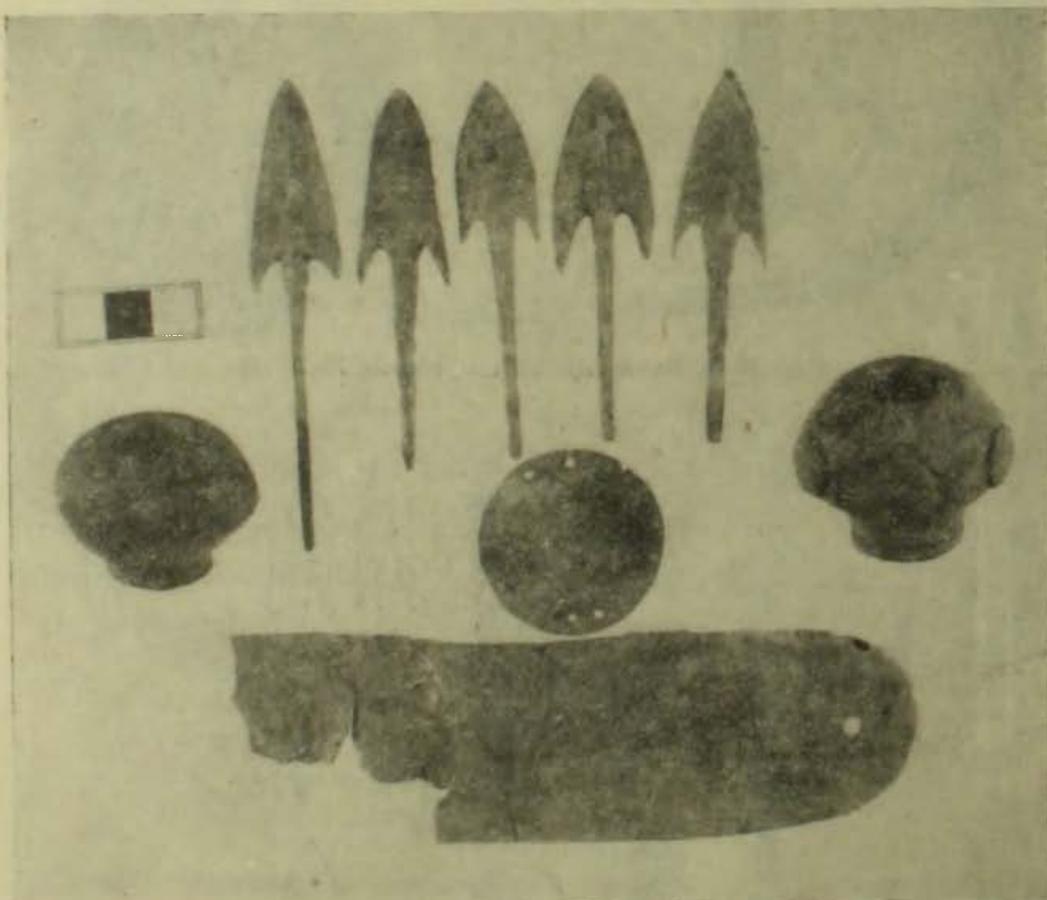

Рис. 6. Инвентарь Степанаванского могильника.

Более разнообразный материал был добыт в 1885—1886 гг. из Джархечского могильника, раскопанного Мурье. От характерных железных кинжалов этого комплекса сохранились лишь ромбической формы бронзовые обоймы и куполовидные навершия рукоятей с орнаментальными треугольниками и вырезами прямоугольной формы. В качестве дополнительного элемента здесь имеются кинжальные ножны, изготовленные из

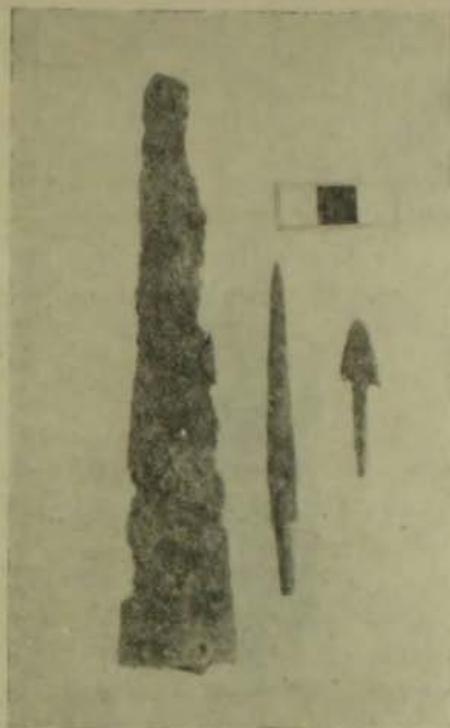

Рис. 7. Инвентарь Степанаванского могильника.

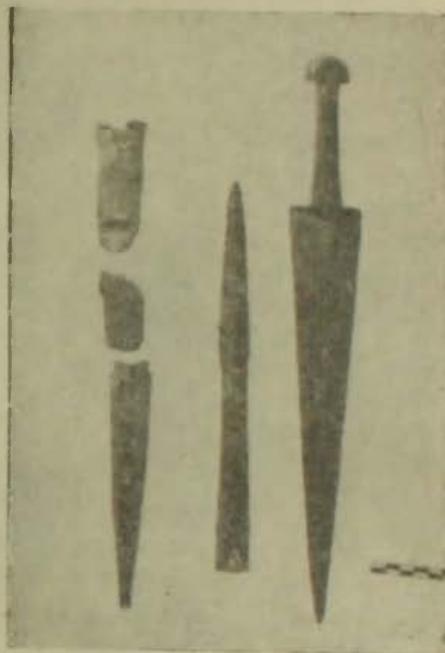

Рис. 8. Инвентарь Джархечского могильника.

бронзовых пластин и покрытые геометрическими узорами. Орнаментация верхней части ножен состоит из чередующихся горизонтальных полосок, заполненных треугольниками и полуовальными дугами. Завернутые края ножен носят такую же орнаментацию (рис. 8). Изготовление описанного типа ножен было связано с появлением железных кинжалов севанского типа, а узоры их были заимствованы с орнаментации более ранних бронзовых поясов. Достаточно вспомнить аналогичный геометрический рисунок ахпатского бронзового пояса, носящего также замечательные изображения оленей, или же найденные Реслером кинжальные орнаментированные ножны, сопровождающиеся во многих комплексах фрагментированными поясами, носящими совершенно ту же орнаментацию.

Вместе с фрагментами кинжалов Мурье обнаружил здесь среднего размера железный нож с загнутым кверху кончиком и характерным коротким черенком, повторяющий бронзовые прототипы. Как увидим ниже, подобные ножи являются постоянными атрибутами комплексов раннеурартского времени (рис. 9).

Бронзовые наконечники цилиндрической формы с вертикально расположенными линиями отверстий или с горизонтальными поясками, носящими выпуклую ромбическую орнаментацию, находят свои аналогии в материалах из Кировакана и Качагана (рис. 9).

Шаровидная булава имеет горизонтальные нарезки на конце втулки и по своему типу не отличается от известных из Кировакана и Степанавана

Рис. 9. Инвентарь Джардзечского могильника.

образцов. Однако, в отличие от упомянутых, она имеет спирали, выполненные бронзовой инкрустацией (рис. 9).

Подобная манера орнаментации весьма характерна как для памятников Ходжалы-Арчадзорской группы, так и для северо-кавказской раннекобанской культуры, т. е. для конца II и самого начала I тысячелетия. В культурно-хронологическом аспекте большой интерес представляют также спиральные кольца, браслеты, особенно характерные для раннекобанской культуры, сочетающиеся здесь с украшениями закавказского типа позднебронзовой и переходной поры (круглого сечения и плоские орнаментированные браслеты, «височные кольца» — пряжки и др.).

Остальные предметы из раскопок Мурье хорошо увязываются с материалами из Кармирблурского поселения и связанного с ним могильника, продолжавшего существовать и в раннеурартское время. Это бронзовые, средней величины бляхи со скобкой на оборотной стороне и спиральной рельефной орнаментацией с наружной стороны (рис. 9), которые получили широкое распространение на Северном Кавказе (Кубань) лишь в послеурартское время, мелкие пуговицы с внутренним стерженьком, грушевидные ажурные подвески-колокольчики и прорезные фигурки птиц, совершенно аналогичные находкам Кармирблурского могильника. Рамки настоящего исследования не позволяют сопоставлять все указанные предметы с материалами из Кармирблурского могильника, однако представлен-

ный на рис. 10 инвентарь из одного погребения Кармир-блур показывает полную идентичность материалов из Джархеча и Кармир-блур.

Среди археологических памятников северной части Армянской ССР несколько обособленное место занимают могильники Лалварского массива, известные по раскопкам Моргана¹, что объясняется локальным ха-

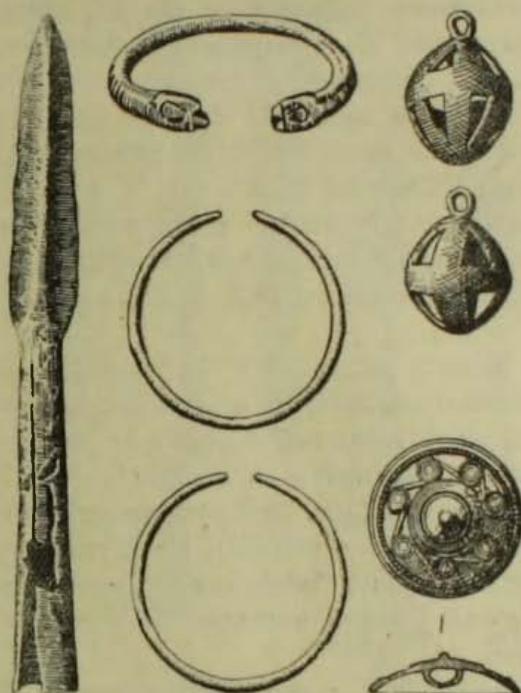

Рис. 10. Инвентарь Кармирблурского погребения.

рактером этих памятников, а также некоторым хронологическим разрывом. Указанное обстоятельство, а также малочисленность приведенного Ж. Морганом иллюстративного и описательного материала, затрудняют дело безоговорочного выделения и датировки памятников старшей группы Лалвара. Однако, несомненно, прав был Морган, относя определенную группу погребений в Ахтале и Мусиери к VIII веку до н. э. Нам кажется, что старшую группу лалварских могильников нужно датировать 2-й половиной VIII века, относя к этому времени гробницы типа Мусиери № 134, для которых характерны большие железные или бронзовые копья, «железные кинжалы» или короткие мечи с бронзовыми наконечниками и пластинчатыми рукоятками, большого размера булавки лалварского типа, а также серповидно изогнутые ножи урартского типа из железа². Для западноахталинского могильника Морган отмечает своеобразные формы грубой керамики, совершенно незначительное количество железных вещей и, наоборот, огромное количество бронзовых браслетов³.

Более западные районы Армянской ССР характеризуются культу-

¹ J. de Morgan, Mission Scientifique au Caucase, I.

² Там же, стр. 208--209.

³ Там же, стр. 69, рис. 25.

рой, сходной с кироваканской. Они представлены погребальными комплексами, которые были обнаружены в 1908 г. Б. Халатянцем на Ширакской равнине, окрестностях сел. Хором, нынешнего гор. Ленинакана¹ и еще в каком-то другом пункте.

Сравнительно малое количество вещей сохранилось из раскопок могильника, расположенного недалеко от «Черной башни» (Ленинакан). Из тринадцати погребений известны теперь несколько бронзовых браслетов и колечек (11 шт.), характерный фрагмент ножа рассмотренного выше типа (инв. 2661/11) и железный браслет (2661/12) из погребения № 5, два таких же ножа² (инв. 2661/21) и прубоватый глиняный горшочек (2661/22) из погребения № 13.

Материалы из двух остальных могильников более интересны не только по разнообразию представленного в них инвентаря, но также в связи с появлением здесь ряда вещей, весьма характерных для переходного периода.

Из раскопок Хоромы поступили в Государственный Эрмитаж плоские и проволочные колечки, литые браслеты, пастовые бусы цилиндрической, биконической и боченовидной формы и другой инвентарь. Из гробницы № 2 происходят фрагменты двух узких поясов (2662/3, 5), бронзовый браслет с зарубками (инв. 2662/4) и железный кинжал с отдельным ажурным набалдашником (2662/2). Из других гробниц происходят характерные железные ножи и бронзовые предметы. Как мы видели выше, весь перечисленный инвентарь вполне соответствует материалам Кироваканской группы.

Между тем в погребальном комплексе гробницы № 18 появляются белотальковые бусы в виде «домино», каковые известны по находкам VII в. в цитадели и поселении Кармир-блур, а также из раскопок в ущелье Хртанец. С другой стороны, в гробнице № 1 наряду с бронзовым браслетом из сложенного вдвое бронзового прута имеется листовидный кинжальный клинок, типичный для комплексов ранней стадии позднебронзовой эпохи.

Аналогичную картину представляет могильник близ Ленинакана. В гробнице № 10 обнаружены однотипные ножи и кинжалы знакомых типов, из железа и бронзы (2660/14, 2660/9, 2660/12, 2660/2, рис. 11), железные наконечники копий (2660/22, 2660/27) и ряд иных предметов. Материалы из других погребений могут быть отнесены к несколько более позднему времени.

Последний комплекс, обнаруженный в Ленинакане экспедицией Комитета охраны исторических памятников в 1931 г., представляет чрезвычайный интерес по сочетанию разнообразных изделий местного и урартского производства. Приведем лишь описание предметов из гробницы № 4. Железные, простейшей формы удила (492/1), наконечники дротика и стрелы этого комплекса (инв. 493, 495/5), широко известные по раскопкам

¹ *J. de Morgan*, указ. соч., стр. 61—62.

² Материалы из раскопок Халатяна хранятся в отделе Советского Востока Гос. Эрмитажа.

урартских крепостей на Кармир-блуре и Топрах-кала, являются, несомненно, продуктами производства урартов, захвативших в VIII в. до н. э. и Ленинаканский район. Бронзовые и железные однотипные стрелы (490—491) местного производства находят свои многочисленные анало-

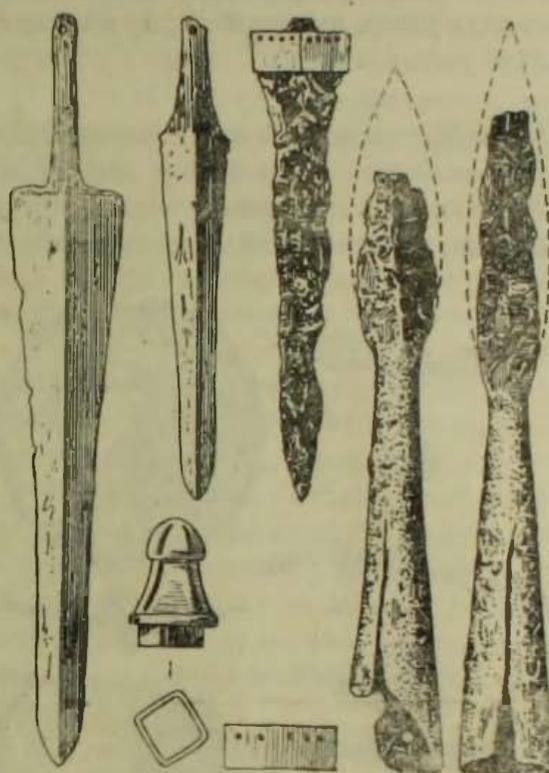

Рис. 11. Инвентарь из могильника близ Ленинакана.

гии в материалах местного производства и связываются по форме с «царскими» стрелами гор. Тейшебаини, относимыми к VIII в. до н. э.

Остальные предметы этого комплекса (бронзовые колечки, фрагменты пояса с двойной спиральной орнаментацией и фрагменты железного наконечника копья) также весьма характерны для местной культуры раннеурартского времени.

Анализ многочисленных находок, сделанных на территории Армянской ССР, указывает на то, что проникновение изделий урартского производства в IX—VIII вв. не ограничивалось упомянутыми выше малочисленными предметами, а совершалось на базе более широкого и разнообразного ассортимента металлической и другой продукции.

В одном из погребений сел. Макарашен, разрушенных во время земляных работ, были найдены части конского убора, состоящего из бронзовых удила и нащечных блях. Удила Макарашена состоят из мундштука и напускных изогнутых трензелей с парой полуколец для скрепления с уздечкой. Они принадлежат к известному на древнем Востоке типу удила, получивших особенно широкое распространение в IX—VIII вв. в матери-

альном производстве ассирийцев¹ и урартов. Многочисленные образцы аналогичных удил обнаружены среди предметов конского убора на Кармир-блуре. Многие из них снабжены мундштуками (рис. 12).

Однако для датировки интересующего нас типа удил важное значение имеет находка таковых в раскопанном нами помещении № 36.

На трензелях их, в рамке, имеющей форму трапеции, была вычеканена короткая клинообразная надпись:

Sa mMe-pu-a „(царя) Менуа“².

Нащечные бляхи Макарашена близки к одному из вариантов урартских блях. Они имеют конусовидную форму, завершающуюся центральной шишечкой. Края их орнаментированы косыми штрихами и точечками, а на обороте имеется петля для скрепления ремня. Весьма близкие к

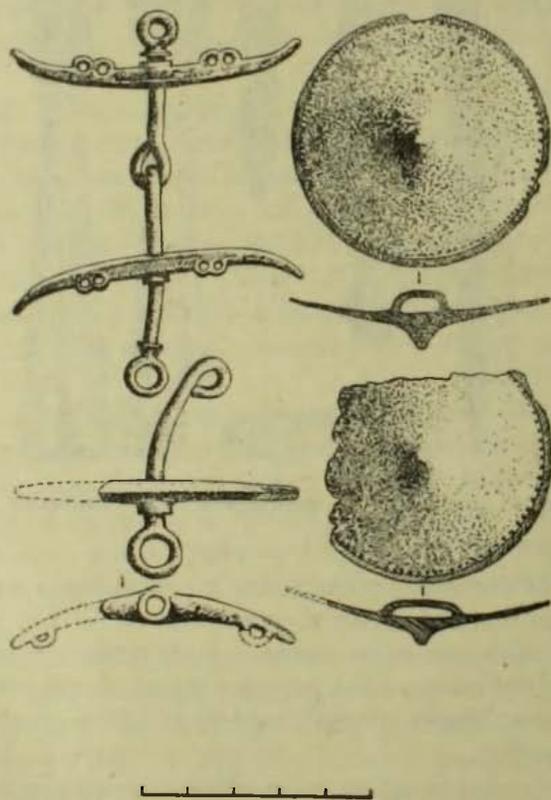

Рис. 12. Инвентарь из Макарашена и Кармир-блур.

макарашенским выпуклые бляхи были обнаружены на Кармир-блуре при раскопках большого винного погреба в 1954 г. с надписями урартских царей Аргишти и Сардури.

Ряд предметов упомянутой конской упряжи из Кармир-блур принадлежат к типам, известным в Ассирии в IX и последующих веках. Не-

¹ H. A. Portratz, Die Pferdgebisse des Zwischenstromlandischen Raumes, Archiv für Orientforschung, B: 14, H. 1—2, S. 18.

² Б. Б. Пиотровский, Кармир-блур, III, стр. 43, рис. 34.

которые же другие вещи сближаются с местными, закавказскими образцами. Особенно интересны в этом отношении бронзовые прорезные умбоны с высокой головкой, имеющие свои аналогии в курганах Ходжалы-Арчадзорской группы.

Изучение инвентаря урартских могильников, появившихся в Восточной Армении в конце IX и в VIII вв. до н. э., указывает на проникновение закавказского элемента в материальную культуру урартов, хотя последняя находилась на более высоком уровне развития. В этой связи определенный интерес представляет малаклинский урартский колумбарий, описанный Б. А. Куфтиным к первой четверти I тысячелетия¹. Наряду с красноощеными чашами и гидриями здесь представлены изящные сосуды с треугольными шевронами, глубокие чаши, вазы, одноручные кувшины темноглиняного и черного цвета, которые могут быть сопоставлены с архаичной керамикой из Кировакана, Триалети и Тазакенда (Кизилкала).

Б. А. Куфтин отмечает, что, кроме указанной керамики, в малаклинском колумбарии были обнаружены также черно-серые широкогорлые сосуды без ручек и без орнамента, характерные для могильников эпохи поздней бронзы и раннего железа. Чрезвычайный интерес представляет то обстоятельство, что местный закавказский элемент наблюдается также в обряде погребения. Обнаруженный в одной из гробниц человеческий костяк, в отличие от всех других, не носил никаких следов кремации. Инвентарь погребения состоял из урартских печатей, железного браслета, бронзовой булавки и сердоликовых бус, принадлежавших к изделиям закавказского типа.

Среди медной посуды колумбария также выделялись урартские и местные образцы. Найденная здесь ребристая чаша принадлежит к типу древневосточных фиал. Аналогичная бронзовая чаша с иероглифическим знаком была известна из раскопок Топрах-кала. При исследовании одного из помещений северо-западного крыла крепости Тейшебаини в 1955 г. была обнаружена замечательная большая фиала того же типа.

Вместе с этим сосудом в малаклинских погребениях оказалась бронзовая ситула кавказского типа. Она имела одну ручку, украшенную головкой животного с длинными ушами. Б. А. Куфтин отметил уже наличие аналогичных образцов среди материалов из могильников Рутхи (Сев. Осетия), Лечхумского клада (Зап. Грузия), колхидо-кобанской бронзы и др. мест, акцентируя при этом значение их в деле объединения материалов колумбария с культурой Кавказа.

Некоторые другие предметы из урартского колумбария намекают на связи с районами Передней Азии. К числу таковых принадлежат бронзовые львиноголовые браслеты, широко распространенные в Луристане, а также бронзовый пояс или облицовка из тонкого листа с выбитой точечной орнаментацией, расположенных в замкнутых четырехугольниках. По-

¹ Б. А. Куфтин, Куро-Араксский энеолит и урартский колумбарий у подножья Арарата.

добного рода пояса были распространены в Луристане и Курдистане в конце II и начале I тысячелетий, но особенно многочисленные их находки сделаны в Армении, где таковые встречаются в инвентаре местных (Ленинакан, Бжни, Хором и др.) могильников и урартских поселений (Кармир-блур). Путем специального изучения можно будет установить, что Восточная Армения являлась центром производства упомянутых поясов.

На широкие связи с загроэламоким миром указывают также многочисленные другие находки на Южном Кавказе и, в частности, в Армении.

Речь идет о найденных в Ани, Алигрыхе, Мхарте и в Куши железных мечах, снабженных бронзовыми рукоятками. Все эти мечи почти не отличаются от талышских образцов, опубликованных Морганом. Клинки их выделаны из железа, а бронзовые фигурные эфесы состоят из четырехгранного, иногда орнаментированного стержня, вильчатого основания и навершия с валютами. Вещи, обнаруженные вместе с анийским эфесом, плоский наконечник стрелы рассмотренного нами типа, массивные бронзовые браслеты, огромное железное копье и др. указывают на то, что производство этих мечей нужно отнести к раннеурартскому времени.

Описанный тип закавказских мечей генетически связывается с талышским типом, характерным, по мнению Моргана, для периода раннего железа. Однако прототипы их как в Талыше, так и в Армении восходят к эпохе поздней бронзы. К концу меднобронзовой эпохи относится бронзовый меч указанного типа, обнаруженный в Кировакане в 1935 г. вместе с черенковыми бронзовыми наконечниками стрел и плоским топориком с боковыми выступами. Куфтин с полным основанием сопоставлял этот меч с луристанскими мечами.

Интенсивные культурные связи и взаимоотношения со многими районами Передней Азии прослеживаются достаточно четко как по археологическому материалу, так и по письменным источникам начала I тысячелетия до н. э. Об этом свидетельствуют богатые находки, сделанные недалеко от Урмийского озера, в сел. Гуши, Салмастского района, и в Саккызе (Иранский Курдистан).

Вопросу культурных взаимоотношений Армении с загроэламским миром должна быть посвящена отдельная работа. Пока мы отметим лишь, что многие из упомянутых областей Передней Азии постоянно или временно входили в состав Ванского царства, и поэтому нет ничего удивительного в интенсивности и длительности означенных выше культурно-экономических связей.

Для исследуемого нами раннеурартского периода значительный интерес представляют также открытые ныне в Севанском бассейне могильники, расположенные на западном побережье озера и характеризующие синхронную культуру второго крупного металлургического центра. К сожалению, большинство этих материалов остается до сих пор неопубликованным и недоступным. Публикация незначительной части севанских материалов дана лишь в статье А. Мнацаканяна (СА XXIII), посвященной результатам раскопок в окрестностях сел. Мухан и Цамакаберд, на осу-

шенной территории оз. Севан в 1951—1952 гг. Датировка цамакабердского (VII—VI) и муханского (X—VIII вв.) однообразных комплексов, данная А. О. Мнацаканяном, является, на наш взгляд, несколько противоречивой и недостаточно обоснованной.

Рассмотрим некоторые из упомянутых комплексов. Сравнительно большое количество вещей оказалось в пятой гробнице Цамакаберда, заключавшей одно скорченное захоронение с керамикой, железными, бронзовыми и сурьмяными изделиями. Датировку гробницы можно определить с помощью керамики и типичного железного инвентаря.

Среди многочисленных глиняных сосудов гробницы особенно выделялись представленные 11 экземплярами глубокие лощеные миски с вогнутыми во внутрь краями и линейной орнаментацией плечиков. Напомним, что во второй макарашенской гробнице, относящейся к IX—VIII вв., были обнаружены более десятка аналогичных мисок и сосуды с зооморфными ручками. Биконической формы узкогорлые сосуды, представленные в цамакабердской гробнице, также характерны для культуры раннеурартского периода. Таковые встречаются в Кармирблурском, Ленинанканском и многих других могильниках. Более того, найденный здесь железный кинжал с типичной бронзовой обоймой у основания рукояти повторяет форму бронзовых прототипов с ажурными набалдашниками и не отличается от приведенных выше многочисленных железных кинжалов, сопровождаемых плоскими наконечниками стрел и железными ножами с загнутым кверху носиком. Любопытно, что в памятниках VII—VI вв. указанного типа железные изделия вовсе не встречаются. Среди предметов украшения особенно примечательны сурьмяные браслеты, весьма характерные для переходного периода, а также браслет из железа, каковые появились впервые в комплексах IX—VIII вв.

Инвентарь муханских гробниц подтверждает предложенную нами датировку. В гробнице № 3 у каждого из трех скелетов на руках было по бронзовому браслету; у шеи одного скелета оказались агатовые бусины, а у ног другого — железный нож, имеющий несколько аналогий в самом Муханском могильнике.

В гробницах Мухана нет ни одного предмета, дающего основание для отнесения Муханского могильника к X в. до н. э. Наоборот, некоторые его предметы связываются с вещественными памятниками VII в. до н. э. Мы имеем в виду форму одного из железных ножей, широко распространившихся в VII—VI вв. до н. э., а также комплекс бус из гробницы № 2, среди которых имеются бусы в виде «домино», характерные для VII и конца VIII вв. до н. э. (Кармир-блур, Хртаноц, Хором, Ленинанкан, Триалети и т. д.). В упомянутой гробнице были найдены также сурьмяные, бронзовые браслеты и цилиндрической формы навершие, каковые встречаются в массовом порядке в материалах IX—VIII вв. и почти не попадают в VII—VI вв. Бронзовые наконечники копий (4 шт.), обнаруженные в пятой гробнице Мухана, также типичны для памятников указанного периода.

Таким образом, представляется убедительной синхронизация могильников Мухана и Цамакаберда с отнесением их к раннеурартскому периоду (конец IX—VIII вв. до н. э.).

В этом убеждает особенно анализ упомянутого выше Астхадзорского богатого комплекса, сочетающего почти все характерные виды рассмотренных выше изделий, представленных здесь в сходных бронзовых и железных изделиях, а также наличие в комплексе предметов ассирийского типа с определенной четкой датировкой.

Мы не останавливаемся на характеристике Астхадзорского комплекса, который вскоре будет опубликован А. О. Мнацаканяном; упомянем лишь, что наличие в этом комплексе некоторых предметов переднеазиатского типа позволяет установить место многочисленных изделий указанного типа в комплексах начала I тысячелетия.

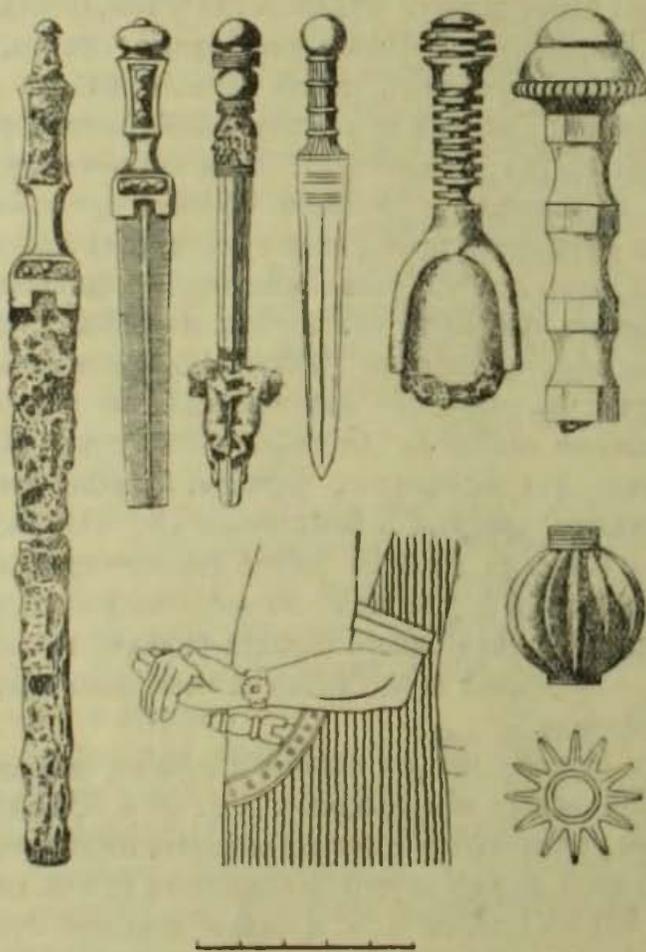

Рис. 13. Кинжалы и булава переднеазиатского типа.
№№ 1, 2, 5—7—Армения, №№ 3, 4, 8—Ассирия.

К этой категории вещей относятся кинжалы и мечи, снабженные бронзовыми частями рукоятей, имеющих оравнительно широкое вильчатое основание на месте соединения с железным клинком (рис. 13). Подобные кинжалы и мечи были обнаружены Морганом в многочисленных гробницах Лалвара. Они не имели своих местных прототипов, но изготовлялись

несомненно, на месте уже в VIII в. до н. э. Жак Морган заметил в свое время, что между самой древней и самой молодой группами кинжалов Лалвара имеется еще промежуточная группа кинжалов, аналогичных применявшимся в Ассирии образцам VIII в. до н. э.¹ Указанного типа кинжалы производились в Ассирии в массовом порядке. На многочисленных барельефах, хранящихся в Лувре и Британском музее, на которых представлены ассирийские воины, вельможи и цари, изображено огромное количество таких кинжалов и мечей. Они украшают поясицы царя Саргона (VIII в.) на рельефе из Хорсабада (Лувр)² и воинов на барельефе времени Ашурнасирапала (IX в.)³. Как видно из барельефов времен Ашурбанипала, производство этого типа оружия продолжалось вплоть до VII в., однако отмеченные нами образцы больше всего соответствуют изображенным на Саргоновских рельефах изделиям.

В некоторых погребальных комплексах Армении описанный тип оружия встречается наряду с удилами переднеазиатского производства, имеющими напускные загнутые под углом трензеля с расширяющимися пластинками. Снаружи они имеют боковую кантовку и бортик вокруг центрального отверстия. Сбоку приделан трапециевидный выступ с отверстием для прикрепления ремня (Астхадзор). Среди разнообразных вариантов этого типа удила, найденных в разных странах (Ассирия, Египет, Палестина, Греция) и датированных концом II и началом I тысячелетий до н. э., ближайшее сходство к описанным выше удилам обнаруживают ассирийские удила IX—VIII вв. Таковые изображены на барельефе Ашурнасирапала II (884/3—859)⁴, где, между прочим, показана система скрепления уздечки, через пластинчатые продолговатые нащечники, аналогичные обнаруженным на Кармир-блуре образцам с клинообразной надписью царя Сардури, сына Аргишти (VIII в.). Портрац правильно заметил, что подобного типа удила бытуют в Ассирии до VIII в. до н. э.⁵

Одним из вариантов указанного выше типа являются удила с пластинчатыми, несколько овальными трензелями простейшей формы, которые снабжены отверстиями в центре и на кончиках пластин. Они известны в Армении по старым коллекциям из Эчмиадзинского музея (рис. 14). Эти удила, подобно рассмотренному выше первому варианту, имеют свои аналогии в раскопочном материале из Палестины, Египта, Ашшура и др. мест, но опять-таки больше всего соответствуют ассирийским удилам, обнаруженным в Ашшуре и изображенным на рельефах дворца Ашурнасирапала II (IX в., рис. 15).

Из Севанского и Алавердского районов происходят также 2 пары бронзовых удил с дисковидными псалиями, которые примыкают к древневосточным образцам (Тель-эль-Амарна, Рас-Шамре, Газа) по типу и к находкам из Квемо-Сасирети (Грузия), датируемым 1000 г. до н. э.

¹ *J. de Morgan*, указ. соч., стр. 91—95.

² *Perrot et Chipiez*, *Histoire de l'Art Assirien*, Paris, табл. 22.

³ *Assyrische Skulpturen*, табл. LXVI—LXVII.

⁴ *Assyrische Skulpturen*, табл. LXXXII, *Perrot et Chipiez*, указ. соч., стр. 562.

⁵ *A. Portratz*, указ. соч., стр. 3—6.

К этому же культурному кругу относятся бронзовые навершия булав ассирийского типа с ребрами-лепестками и центральной круглой втулкой. В материалах из районов Севанского бассейна они известны по находкам Е. А. Лалаяна и А. О. Мнацаканяна.

В Государственном Эрмитаже хранится третий, известный нам предмет этого типа (ОСВ 1971/20), отличающийся от норбязетского строением втулки, снабженной внешними нарезками (рис. 13).

Вместе с этой палицей была обнаружена бронзовая головка кинжала ассирийского типа с четырьмя выступающими дисками и полусфери-

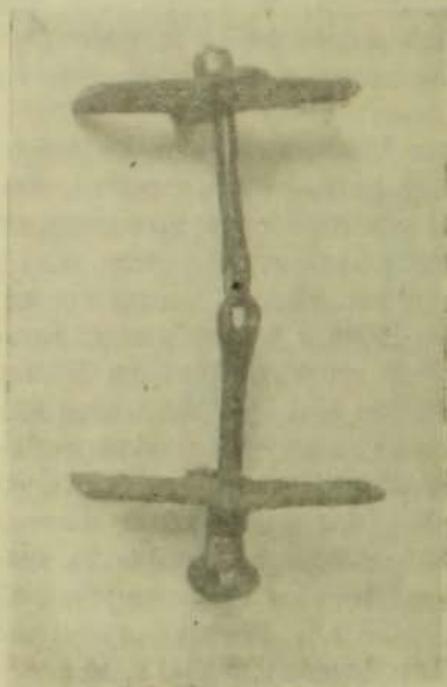

Рис. 14. Бронзовые удила из коллекции Эчмиадзинского музея.

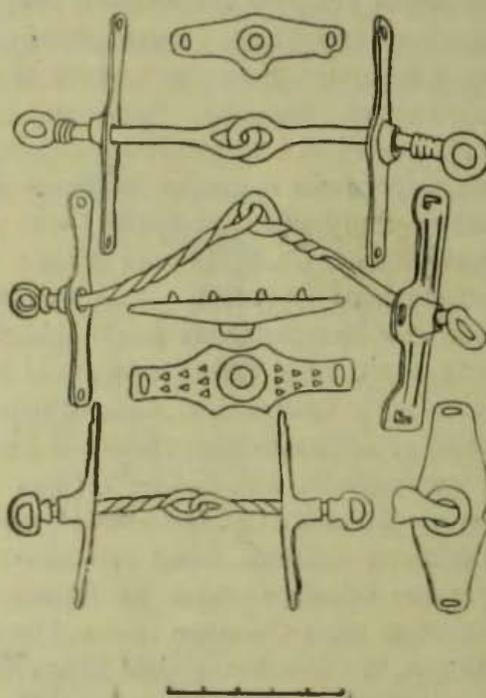

Рис. 15. Бронзовые удила с плоскими псалями переднеазиатского типа.

ческой головкой (рис. 13). В публикации материалов из Лалвара также имеется аналогичная рукоять. Этого типа изделия широко известны не только в Ассирии, но и в других странах Передней Азии.

Перечень ассирийского типа изделий не исчерпывается астхадзорскими вещами. В 1931 г. из Эчмиадзинского музея в Государственный Исторический музей поступили два бронзовых кинжала (рис. 16), которые по моделировке, строению лезвия и рукояти не отличаются от кинжалов, украшающих поясницу вельможи на барельефе времени Ашурнасирапала II (884/3—859)¹. Подобные кинжалы известны из Рас-шамра, Нихавенда и других районов Передней Азии. Они принадлежат к типу кинжалов с рамочным устройством рукояти, но отличаются от более

¹ Assyrische Skulpturen, табл. LXXVIII, LXXIX.

ранних кинжалов Армении, примыкающих к талышскому типу. По мнению Шеффера, этого типа кинжалы распространяются на запад из Передней Азии через о. Кипр¹.

Мы рассмотрели некоторые археологические комплексы, характеризующие материальную культуру племен, населявших лишь часть территории Восточной Армении в раннеурартский период. Ареал этой культуры на данной ступени наших знаний невозможно установить, однако находки аналогичных комплексов в смежных с Армянской ССР районах Закавказья указывают на широкое их распространение. К числу упомянутых памятников принадлежат погребальные комплексы, обнаруженные Реслером в начале нашего столетия в Кедабек-Калакендском или в каком-либо другом близлежащем к Армении районе².

Инвентарь открытых здесь Реслером гробниц отличается теми же особенностями, каковые определяют анализированные выше комплексы. Так, в гробнице № 54 оказались железные кинжалы знакомого нам типа, бронзовые ножны (инв. 3987/205, 3987/206) и средней ширины пояс из бронзового листа, орнаментированного сеткой заштрихованными треугольниками и мелкими полуовальными линиями, каковые особенно характерны, с одной стороны, для калакендских поясов³, и, с другой стороны, для ахпатского и других североармянских поясов. Орнаментация подобных поясов, как было отмечено выше, повторяется на кинжальных ножнах в ряде комплексов раннеурартской поры. В соответствии с этим одни из ножен гробницы № 54 украшены геометрическими фигурами, вырезанными на поясе из этого же погребения. Другие ножны этого комплекса не имеют орнаментации, но по средней их части проведена вертикаль-

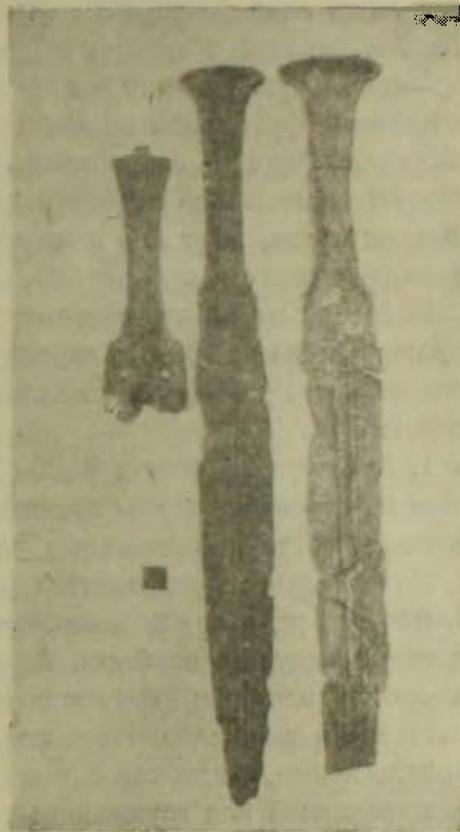

Рис. 16. Бронзовые кинжалы из коллекции Эчмиадзинского музея.

¹ F. A. Schaeffer, Les Foilles de Ninel-el-Beida de Ras-Samra, Syria, Revue d'Art oriental et d'Archeologie, 10, 1929, стр. 298—299.

² Документация о раскопках не сохранилась. Материал хранится в отделе Востока Гос. Эрмитажа.

³ Վիրլունի, Կովկասի տեղը բաղաբաղրթութեան պատմութեան մեջ, «Ազգադրական հանդես», դիրք I, տարեանկ II, նկ. 7—8.

ная рельефная полоска, а на конце горизонтально расположенные пояски, каковые имеются также на первых ножнах.

Эта манера оформления ножен переходит к более поздним образцам, встречающимся нередко в могильниках VII—VI вв. до н. э. (Ворнак, Азизбеков). Из двух упомянутых выше железных кинжалов сохранился лишь один (3987/208). Он имеет бронзовую обойму и прорезное навершие рукояти с пунктирной орнаментацией (3987/209).

Аналогичную картину мы наблюдаем на материале гробницы № 7, где найдены фрагменты ножен (3987/15) и железного кинжала севанского типа. Один из сохранившихся фрагментов верхней части ножен имеет горизонтальную разбивку поля, в отдельных поясках которого выведены волна, жгут или плетенка. Это также характерная орнаментация калаксндских и североармянских поясов.

Несмотря на то, что рассмотренные выше археологические комплексы дают далеко не полную картину материальной культуры раннеурартского периода, разбор их позволяет все же сделать некоторые важные выводы:

1. Культура Армении в IX—VIII вв. до н. э. закономерно развивается на основе культуры предшествующего этапа, времени первичного освоения железа и наивысшего расцвета позднебронзовой индустрии.

Материальное производство указанного периода характеризуется сохранением ряда важнейших черт позднебронзовой стадии с утратой некоторых ведущих ее форм. Археологические комплексы IX—VIII вв. отличаются, например, отсутствием или редкостью бронзовых секир, пальставов и кинжалов. Наоборот, в них выступают в массовом порядке аналогичные урартским плоские бронзовые стрелы, наконечники булав шаровидной или грушевидной формы, наконечники стрел из кремня и обсидиана и пр. Особенно важно отметить, что основными и массовыми изделиями в этих комплексах являются железные ножи и кинжалы, повторяющие формы бронзовых прототипов. В отличие от бронзовых, однотипные железные кинжалы получают вдобавок орнаментированные геометрическим узором ножны, сделанные из листовой бронзы.

Орнаментация этих ножен повторяет мотивы несколько более ранних бронзовых поясов.

Типичными формами оружия этого периода являются также кинжалы и большие мечи с бронзовыми частями рукоятки, связывающиеся с ассирийскими образцами. В эту группу входят и те железные мечи, эфесы которых имеют вильчатое основание и по этой своей особенности связываются с однотипными образцами загро-эламского мира.

Манера оформления рукояток пластическими частями бронзы была обусловлена неполным освоением технологии обработки железа. Подобное комбинирование различных металлов продолжается в Армении до конца VI в. до н. э. Предметы вооружения, изготовленные этим путем, были обнаружены в синхронных памятниках Луристана, Палестины, Малой Азии, а также в европейской индустрии раннего Гальштата.

2. Анализ вещественных памятников раннеурартского периода указывает на усиление урарто-ассирийского влияния. В ряде рассмотренных нами комплексов четко выявляются предметы конского убора и железные изогнутые ножи урартского типа, кинжалы с рамочной рукоятью и удила с пластинчатыми псалиями, импортированные из Ассирии или изготовленные на месте по древневосточным образцам.

В соответствии с этим в закавказских памятниках урартской культуры (Малаклю) наблюдается проникновение элементов местной культуры.

Усиливаются связи с восточными и юго-восточными районами (Талыш, Курдистан, Луристан) и, наоборот, ослабевают таковые с западом.

3. Наиболее примечательным явлением в материальном производстве этой поры является резкий переход к железной индустрии, несмотря на то, что выделяемые железные предметы (кинжалы, ножи, копья, стрелы, фибулы с широкой дугой и др.) в формальном смысле являлись имитацией предметов высокоразвитой бронзовой индустрии.

Процесс освоения железа в Армении хронологически и по сути вполне соответствовал состоянию освоения железа в странах Передней Азии. В IX—VIII вв. до н. э. во многих производственных центрах Передней Азии предметы вооружения и сельскохозяйственный инвентарь изготавливаются из железа по образцам бронзовых прототипов. Эти наблюдения подтверждаются данными эпиграфических памятников. Из надписи Ашурнасирапала II на каменном монолите из Тушхана (879 г. до н. э.) видно, например, что в IX в. до н. э. ассирийскими войсками применялись как железные, так и бронзовые орудия (топоры, кирки)¹. Напомним лишь, что некоторые ассирийского происхождения вещи приведенных выше комплексов датируются именно временем Ашурнасирапала II (884/3—859 гг. до н. э.). В урартских клинообразных надписях подобного рода сведений нет, однако предметы труда и вооружения, обнаруженные при раскопках урартских городов VIII—VII вв., изготовлены исключительно из железа.

На огромное значение железа в хозяйстве Передней Азии в начале I тысячелетия указывает сравнительная таблица цен на серебро, бронзу и железо в Вавилонии. Из этой таблицы видно, что уже в VI в. до н. э. цена бронзы была вдвое дороже по сравнению с железом.

4. Рассматриваемый смешанный или переходный период являлся, однако, кратковременным, что видно из малого числа археологических памятников по сравнению с памятниками предыдущей эпохи. Это объясняется общими для Передней Азии условиями развития железной индустрии и мощным влиянием урартской культуры, ускорившим процесс освоения железа в Восточной Армении и в других областях Закавказья.

В целом, несмотря на мощное влияние древневосточной культуры, рассмотренные выше памятники представляют собой одну из ступеней

¹ Ассиро-вавилонские источники по истории Урарту, ВДИ, 1951, № 2, стр. 291—293.

развития материального производства раннежелезной поры, несомненно более высокую по сравнению с этапом развития позднебронзовой индустрии.

5. Выявление и изучение этих памятников имеет значение для заполнения той хронологической лакуны, которая образовалась в результате недостаточно полного охвата памятников раскопками, между комплексами позднебронзовой эпохи и памятниками эпохи широкого освоения железа.